

Редакция „В. К.“ должна заявить следующее: вопрос о всеказачьем с'езде поднят некоторыми нашими читателями еще в прошлом году. Уже тогда в отделе „Думы и мысли“ некоторые из них высказались по этому вопросу.

Поднятый вопрос — вопрос большой, сложный и ответственный, а, к тому же, весьма трудный в смысле практического осуществления. Нет ничего поэтому удивительного в том, что могут существовать по такому вопросу и разные мнения среди вольных казаков. Исходя из этих соображений редакция и дает возможность в отделе „Думы и Мысли“ откровенно высказаться представителям разных точек зрения. (Это видно из того же номера 78, где рядом со статьей Ниминова помещено и письмо Тырина).

В свое время мы позволим себе высказаться по существу поднятого вопроса о с'езде особо.

Одновременно даем возможность г. Ниминову еще раз высказаться по этому поводу.

По вопросу о Всеказачьем с'езде.

Ввиду того, что моя заметка в номере 78, по этому же вопросу, вызвала письмо атамана Парижской Донской станицы с выражением некоторого неудовольствия, я считаю нужным еще раз возвратиться к этой теме и дать более подробные пояснения к своей первой заметке и ответить по содержанию упомянутого письма атамана ст. г-на Лысенкова.

Прежде всего должен сказать, что моя заметка была помещена, как и эта, в отделе „думы и мысли“, который является свободной вольно-казачьей трибуной, где каждый вольный казак имеет возможность свободно трактовать тот или иной, интересующий его вопрос и за каковые редакция ответственности, в смысле разделения или неразделения того или иного мнения, не несет. Таким образом, одно утверждение г-на Лысенкова, что и редакция разделяет мнение Ниминова, уже ошибочно. Редакция „В. К.“ могла разделять, но могла поместить и не разделяя, желая дать возможность казакам поговорить по интересующему их вопросу.

Посылая в редакцию свою первую заметку я ожидал, что она многим не понравится и многих, может быть, разочарует в их ожидании Всеказачьего с'езда, ибо я чувствую, как казаки ждут этого с'езда и знаю, какую надежду они на него возлагают. Не с легким сердцем я писал, ибо никому не приятно разрушать то, во что люди с основанием или без основания верят, но я счел себя обязанным высказать по этому вопросу свое откровенное мнение, так как считаю, что вера вызванная заблуждением бывает и вредна.

По моему, если атаман станицы, организовывая станицу, уверил казаков, что соберется Всеказачий с'езд, найдет иностранную помощь и освободит родину, то сделал большую опрометчивость. Я бы на его месте так не говорил, ибо ничего нет хуже, как посулить людям несбыточные обещания, в результате которых наступает разочарование.

Каждый из нас, прежде чем говорить о с'езде, непременно должен подумать над тем, как собрать такой с'езд, кто созовет, из кого созовет и для чего созовет. Без этого было бы совершенно легкомысленным об этом говорить.

Свою заметку с этой целью я написал, чтобы казаки подумали над этими вопросами, связанными со с'ездом. И если г-н Лысенков говорит, что „денги не могут служить препятствием для созыва с'езда“, то слава Богу, ибо я не против созыва с'езда, а только говорю о трудностях, связанных со с'ездом о том, что, с моей точки зрения, в данном нашем положении, трудности эти непреодолимы и, принимая во внимание данную международную ситуацию, созыв с'езда с таким материальным напряжением считаю излишней роскошью. Он пока не нужен, ибо в данном, разбродном состоянии казачьего общественного мнения ничего положительного он нам не даст.

Вера же тех казаков, которые думают, что наше освобождение зависит только от того, как скоро соберется эмигрантский с'езд, выразит свое желание и об-

ратится к той или иной державе с соответствующей просьбой, основана на политической неосведомленности.

Правда, освобождение того или иного угнетенного народа редко проходит без посторонней дружеской помощи, но для этого должны быть налицо следующие условия: 1) Четко выявленное желание этого народа освободиться, бороться за свою свободу, жертвовать за это своим достоянием и жизнью; 2) Соответствующая международная обстановка; 3) Наличие сильных и подготовленных союзников, которые, ради собственного интереса, могли бы на международном форуме отстаивать освобождение данного народа и 4) Соответствующее „плохое“ состояние фактора, который заинтересован в дальнейшем закабаленном состоянии данного народа, борющегося за свое освобождение, т. е., чтобы то, что мешало нашей свободе, оказалось бы не в силах мешать. Поясним эти положения примерами: Если бы польский, чехословацкий, эстонский и др. народы, добившиеся на наших глазах самостоятельности, не вели бы уже сотню лет перед тем, из поколения в поколение борьбу за свою свободу, и если эта борьба не была бы хорошо известна внешнему миру, и если все эти народы не приняли бы активного участия в минувшей войне, удачно ориентировавшись на сторону победивших держав, то они не были бы свободны в наши дни. Таким образом, в освобождении указанных народов было стечение всех указанных четырех факторов. Надо полагать, что дело казачьего освобождения требует таких же приблизительно условий, хотя бы и не всех.

Мы, вольные казаки, т. е. наше национальное движение находится на путях к созданию первого условия — выявления массового пробуждения казачьего национального самосознания и проникновения этого его желания в мировое общественное мнение. Думается, что кое-что в этом отношении уже наше движение достигло, но, все же, немного. Много нам еще надо работать, много нужно проявить жертвенности, необходимо иметь собственный, нами выдерживаемый печатный орган, не только для нас, но и на иностранных языках для иностранцев, как первое средство быть услышанным миром о нашем желании.

Одним из окрыляющих нас факторов в нашей борьбе за свою свободу может служить наличие четвертого фактора из мною перечисленных, как способствующего успеху национального движения, и возможность наличия заинтересованных в нашем освобождении союзников. Но сейчас нет соответствующей международной конъюнктуры. Поэтому, нашей первой задачей должна быть пока работа над развитием, укреплением и расширением казачьего массового импульса к борьбе за свою национальную свободу и попытки над внедрением этого стремления в сознание внешнего мира.

Для этого надо иметь орган печатной пропаганды и всем, кто только может, вести устную пропаганду. Созыв же в неподготовленном состоянии с'езда, на котором мы публично расколемся на разные лагеря, только может продемонстрировать наше неединомыслие в деле понимания своего будущего бытия, а может быть и своей национальной сути. Такой с'езд, кроме вреда и материальных затрат, ничего не даст. Думать же о том, что какая-то иностранная держава возьмет и отвалит нам денги на созыв какого-то с'езда, который неизвестно, что будет делать и в каком направлении пойдет, конечно, могут люди только политически неопытные.

Ни один народ еще не освобождался другими в порядке благотворительности или из-за присущего ему того или иного качества, а только в силу того, что этот народ представлял из себя интерес в том или ином смысле. И нам, чтобы представлять из себя хоть какой интерес, надо быть организованными, а потому и сильными. Народ же, который не имеет еще даже самокупаемого печатного органа, ясно, что не силен. Правда, у нас есть казачий печатный орган, издаваемый на наши войсковые средства, но, если мир будет знать о нас через этот орган, то представление о нашем желании будет для нас как раз невыгодное. Это — результат того, что судьба Казачества в свое время была вручена лицам, чуждым казачьим интересам. Та-

кие случаи бывают, когда самосознание народа убито до состояния непонимания своих интересов или в результате ошибочного представления о субъекте, в руки которого вручается право говорить от имени данного народа. В отношении Казачества в недалеком прошлом могли иметь место оба случая.

Борьба угнетенного народа за свое освобождение настолько серьезное и трудное дело, что каждый, кто борется и приобщается к этой борьбе, должен быть всегда готовым десятки лет работать и умереть, рискуя не дожидаться результатов, передав знамя борьбы следующему поколению. Если только присмотреться к истории всех народов, когда-то терявших свою самостоятельность и опять добившихся освобождения (поляки, чехи, болгары, сербы, финны и т. д.), то мы воочию убедимся в этом. Те же будители национальной мысли и национальные политические деятели, которые думают это дело сделать в два счета, иначе и совсем „огород не городить“ — слабые националисты. Националист, понимающий всю трудность борьбы и тем не менее идущий на это дело, не станет связывать свою работу с возможностью или невозможностью созыва того или иного съезда. Мы, вольные казаки, можем желать созыва съезда, но должны знать, что он будет созван, когда к тому будут необходимые условия и, главное, требование дела. А кроме того, должны быть готовы созвать и выдержать такой съезд на свои казачьи средства, а не ожидать откуда-то посторонних денег.

Пусть каждый из нас знает о трудности нашей борьбы, с открытыми глазами подойдет к этому делу, пусть будет нас меньше, но надо, чтобы это были люди, готовые на трудную, долгую и, может быть, при нашей жизни неосуществимую борьбу. Никаких ложных лозунгов, никаких несбыточных обещаний, материальных и моральных, в нашем деле нельзя пускать в ход. Чтобы не было таких ошибок, всем казакам и всем группам, желающим делать полезное дело, надо держать связь с центром и получать указания. Казаки, знающие толк в военном деле, должны знать ценность управления и однообразия действий. Наше дело тоже — война.

Заканчивая свою краткую заметку, я должен уверить, что никого я здесь не имел в виду задевать; лад между нами нужен большой и крепкий; то, что станичник Лысенков откликнулся на мою первую заметку, считаю полезным; обсуждать откровенно свои дела нам надо; надо уметь при этом и спокойно друг друга выслушивать. Если кто откликнется еще, это будет не вредно. В „Вольном Казачестве“ есть отдел „Думы и мысли“, в котором мы можем откровенно разговаривать.

Ш. Ниминон.

Кто и чему возрадовался.

В третьем номере журнала „Родимый Край“ некто, под инициалами Н. М. М., дал заметку „Казакция и Украина“, в которой автор, с нескрываемой радостью, возмещает о шероховатостях, возникших во взаимоотношениях между вольными казаками и некоторыми группами украинцев.

Современная жизнь человеческого общества, больше чем когда либо, полна всяческих разногласий. Не составляют исключения в этом отношении даже народы, имеющие свои столетиями существующие государ-

ства; они тем более неизбежны в жизни таких народов, как казаки и украинцы, которые находятся в горячей стадии отвоевания или защиты своих национальных интересов. Тут, действительно, многие и часто терпят хладнокровие и из мухи делают слона, думая, что этим делают дело освобождения своего народа, за частую неведая об истинных последствиях своих поступков. Но я, в этой краткой заметке вовсе не хочу делать разбора казаче-украинских разногласий. Думаю, что эти разногласия не так уж и велики и дело до „гроба“ еще далеко, а если и есть какие несогласия, то они, во всяком случае, не так уж неразрешимы к обоюдному удовлетворению, если только и у казаков и тем более у начавших „разговоры“ украинцев „собака не съела ум“, как говорят калмыки.

Меня больше всего заняло то, как Н. М. М. об этом пишет, с какой радостью и самодовольством; прямо, что называется, беднягу распирает; сто восклицательных знаков готов поставить; особенно, когда говорит о том, как и что он уже предсказывал. Поздравляя автора с новой, дотоле неизвестной способностью — предугадывания, не могу не обратить внимания на один штрих в его заметке. Парень, видимо, не так-то дурак. Он, видите ли, не только прыгает от радости, но делает при этом кое-что и для того, чтобы поспособствовать углублению этих разногласий между частью украинцев и вольными казаками. Он подсовывает, на случай, если попадутся неискушенные украинцы, готовую мотивировку для украинцев в их тоне, взятом по отношению к вольному казачеству. Он намекает, что, вот, если будет свободное казачество, то оно в нужный момент может воткнуть нож в спину Украины и что свободная Казакция нужна будет как фактор, могущий уменьшать аппетиты Украины в собирании своих частей и что потому, украинцам не выгодно иметь соседом свободное Казачество и пр.

Это хитро, конечно, но не для всех. Меня это очень даже развеселило, ибо я вспомнил, читая эту заметку, о своем детстве... Когда было мне 8—9 лет, были у меня два товарища — Манджик и Санджик, моझे меня годика на два; и вот, любил я стравить их в драку и смотреть. Бывало захочется мне, чтобы они подрались, сейчас же я, уловив минуту, говорю: „Ты что это, Манджик, кривиишь губы на Санджика, думаешь он хуже тебя? знаешь какой силач его отец?“ И начинают бывало бедняги переругиваться сперва, а через несколько минут тузят друг друга, а я с радостью разнимаю их, как будто, и, придерживая то одного, то другого, даю каждому наносить другому удары и не допускаю решительного преобладания одного над другим.

Думаю, что станичники и также украинцы не окажутся на положении этих мальчиков и не станут зря ломать копы на смех врагам. А враг действительно смеется. Правда, что между нами (украинцами и казаками) всякий спор есть затруднение в деле нашей борьбы за свободу и этому затруднению первым делом, бываю рады враги Казачества и Украины в одинаковой степени. Автор заметки, Н. М. М., явный враг Казачества, не думается, чтобы он был друг и Украины. Всякие споры между нами — масло в огонь врагов, который может пожаром захватить и нашу, еще не добытую, свободу. Это должны помнить и украинцы и казаки.

Ш. Ниминон.

Редактор „В. К.“ получил следующее письмо от генерального секретаря недавно учрежденной Английской Лиги по борьбе с религиозными преследованиями и рабским трудом в Стране Советов профессора Wilden-Hart'a:

Многоуважаемый г-н Редактор,

Позвольте мне поблагодарить Вас за то, что Вы почтили нашу Лигу присылкою Вашего воззвания. Пользуюсь этим случаем для того, чтобы выразить Вам симпатии наши к казакам, которые так ужасно страдают под большевизмским режимом. Наша Лига основана для борьбы против большевизма в России и других странах; мы надеемся, что удастся создать такую атмосферу общественного мнения в Англии, что всякого рода взаимоотношения между цивилизованными странами и советской Россией будут прекращены. Члены нашей Лиги полагают, что этим путем может удастся наиболее успешно обезвредить дурные результаты большевизма как в России, так и в остальном свете.

При сем прилагаю подробные сведения о Лиге, участие Ваше в которой мы бы очень приветствовали.

Честь имею оставаться Вашим единомышленником, проф. В. I. Wilden-Hart.
Лондон, 8 апреля, 1931.